

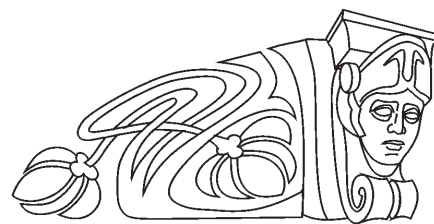

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2021. Т. 21, вып. 3. С. 359–364
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2021, vol. 21, iss. 3, pp. 359–364
<https://imo.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-3-359-364>

Научная статья
УДК 327.8(5-12-13+73)|1953/1955|

«План Маршалла для Азии»: генезис и крах (1953–1955 годы)

С. Ю. Шенин

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Шенин Сергей Юрьевич, доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений и внешней политики России, shenins@yahoo.com, <https://orcid.org/0000-0002-4503-5923>

Аннотация. Статья посвящена изучению процесса теоретической разработки и практической реализации плана интеграции региона Южной и Юго-восточной Азии в стратегию США по восстановлению мировой торговли, который получил название «плана Маршалла для Азии» или AFAP. Подчеркивается стремление администрации Эйзенхауэра использовать контекст холодной войны для обеспечения финансирования мероприятия со стороны американского конгресса. Анализируются причины провала плана, связанные с противоречиями между странами рассматриваемого региона, а также их опасениями потерять двухстороннюю помощь со стороны США.

Ключевые слова: «плана Маршалла для Азии», помощь США, Южная и Юго-Восточная Азия, Д. Эйзенхауэр, Г. Стассен, холодная война, Симла

Для цитирования: Шенин С. Ю. «План Маршалла для Азии»: генезис и крах (1953–1955 годы) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2021. Т. 21, вып. 3. С. 359–364. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-3-359-364>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The «Marshall Plan for Asia»: Genesis and collapse (1953–1955)

S. Yu. Shenin

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Sergey Yu. Shenin, shenins@yahoo.com, <https://orcid.org/0000-0002-4503-5923>

Abstract. The article is devoted to studying the process of theoretical development and practical implementation of the plan for integrating the region of South and Southeast Asia into the U. S. strategy for restoring world trade, which is called the «Marshall plan for Asia» or AFAP. The Eisenhower administration's desire to use the Cold War context to secure funding for the program from the U. S. Congress is emphasized. The reasons for the failure of the plan are analyzed, related to the contradictions between the countries of the region under consideration, as well as their fears of losing bilateral assistance from the United States.

Keywords: «Marshall Plan for Asia», U. S. aid, South and Southeast Asia, D. Eisenhower, H. Stassen, Cold War, Simla

For citation: Shenin S. Yu. The «Marshall Plan for Asia»: Genesis and collapse (1953–1955). *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2021, vol. 21, iss. 3, pp. 359–364 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-3-359-364>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Как известно, в Европе американский «план Маршалла» имел как политический (антикоммунистический), так и экономический аспекты. Последний ориентировался на достижение конкурентоспособности западноевропейских стран в долларовой зоне. Способность зарабатывать доллары была критической для конвертации национальных валют и использования региона в качестве рынка для американских товаров, что было абсолютно необходимо для дальнейшего поступательного развития экономики США.

Однако к 1953 г. эта цель «плана Маршалла» не была достигнута. Пришедший в Белый дом новый президент, республиканец Д. Эйзенхауэр, сразу же активизировал борьбу с европейским «долларовым дефицитом». Стратеги Эйзенхауэра были убеждены в том, что эта проблема могла быть решена только как «побочный продукт» процесса восстановления схемы довоенной глобальной трехсторонней торговли. В рамках этого «треугольника» у Европы всегда существовал торговый профицит с Азией и дефицит с Север-

ной Америкой, в то время как последняя имела отрицательный торговый баланс с азиатскими странами в целом¹.

На практике для восстановления нормального функционирования этой схемы нужно было «накачать» долларами азиатские экономики, используя для этого каналы американской помощи. Наличие долларов в Азии должно было оторвать западно-европейские страны от экономического сотрудничества с коммунистическим блоком, поскольку они могли получить необходимую американскую валюту, продавая свои пока еще дорогие и неконкурентоспособные товары азиатским странам, и постепенно повышать свою конкурентоспособность через покупку здесь дешевого сырья.

Такая переориентация европейцев в сторону Южной и Юго-Восточной Азии находилась под большим вопросом, поскольку сырьевое производство в регионе еще не было восстановлено после войны. Кроме того, иногда попытки европейцев вернуться в бывшие колонии сталкивались либо с такими эксцессами, какие имели место, например, в Индокитае, либо просто с категорическим нежеланием азиатов сотрудничать с ними или японцами.

В целом же в рассматриваемый период возрождение межрегиональных торговых отношений представлялось невозможным без всеобъемлющей американской поддержки. Тем не менее, поскольку эта поддержка не могла быть масштабной (из-за царящих в обществе и на Капитолийском холме настроений), а сами азиатские страны не горели желанием отдавать свои экономические планы на откуп американцам, необходимо было разработать и предложить привлекательный, но достаточно скромный план, чтобы стимулировать необходимые трехсторонние торговые процессы.

Хотя европейская версия «плана Маршалла» по некоторым аспектам подвергалась критике, она все же произвела сильное впечатление как в Соединенных Штатах, так и в слабых странах. Чисто внешне Программа восстановления Европы (ERP) представляла собой хороший пример системного решения очень похожей проблемы, которая в Азии заключалась в том, что на фоне чрезвычайно низкого жизненного уровня можно было наблюдать стремительный политический сдвиг влево местных правительств, активное развитие двухсторонних экономических связей со странами коммунистического блока, быстрое огосударствление экономик, настойчивое использование импортозамещающих стратегий и т. п. Таким образом, ближе к середине 1950-х гг. администрация Эйзенхауэра столкнулась с настоятельной необходимостью изменить в слабых регионах Азии эти тенденции в том же ключе, в каком это было сделано в Европе на рубеже 40–50-х гг. XX в.

Сторонники такого подхода в администрации были уверены, что «если это было сделано в Европе, то это можно сделать и в Азии»². Достижение весной 1954 г. в Вашингтоне консенсуса в отно-

шении смещения основного акцента американской помощи с Европы на Азию вновь поставило на повестку дня вопрос о применении здесь методологии «плана Маршалла». Ее использование в Азии имело несколько преимуществ. Во-первых, это способствовало бы ускорению перехода от негативной доктрины «сдерживания» к позитивной концепции глобализации. Во-вторых, могло привлечь на сторону Америки слаборазвитые страны, которые на протяжении многих лет настойчиво требовали от США осуществить у них что-либо похожее на «план Маршалла» – к этому моменту реально они имели только программа «пункта-4», которая не оправдывала их ожиданий. В-третьих, успешная реализация мероприятия такого масштаба оказала бы глубокий позитивный эффект на экономику США и их международный авторитет.

Смысл концепции «плана Маршалла» заключался в региональной экономической интеграции на базе «специализации, унификации и упрощения». Такая интеграция должна быть построена вокруг некоего регионального индустриального центра, который мог играть роль «экономического мотора», т. е. что-то наподобие той роли, которую играла Германия в Европе. Лидеры либералов в администрации полагали, что в Азии такой экономический блок должен был объединить свободные страны Южной и Юго-Восточной Азии вокруг Японии как единственной развитой промышленной державы.

Если такой блок удастся создать, считали стратеги администрации, то он должен быть объединен с Европой и США с помощью торговых и финансовых каналов, что по сути завершит процесс интеграции Азии в систему мирового разделения труда и восстановит довоенную трехстороннюю модель глобальной экономики. В принципе, администрация Г. Трумэна хотела сделать то же самое, однако на рубеже 1940–1950-х гг. Япония была не готова взять на себя роль «мотора». Сейчас, после щедрых контрактов Корейской войны, она явно встала на ноги и была способна сыграть указанную роль.

Тем не менее рассматриваемая идея вызывала в Соединенных Штатах достаточно противоречивую реакцию. С одной стороны, американское общественное мнение основывалось на положительном отношении к достижениям «плана Маршалла», а с другой стороны, представители администрации опасались больших финансовых затрат и были не готовы поддержать использование методологии «плана Маршалла» в Азии. Соответственно, учитывая жесткие установки Эйзенхауэра на сбалансированность бюджета, а также негативное отношение оппозиционных групп бизнеса и общественного мнения к такому типу помощи, вряд ли можно было найти простое решение проблемы финансирования «плана Маршалла для Азии». Единственным возможным способом, который мог бы обеспечить такое

перемещение средств, было смещение фокуса холодной войны в том же направлении.

При обсуждении данного вопроса представители либеральной части администрации стали оправдывать перенос эпицентра холодной войны в Азию тем фактом, что активизация коммунистического наступления в Индокитае сразу после окончания Корейской войны не могла быть простым совпадением. Они настаивали, что этот регион был выбран коммунистическим миром как следующая цель его глобальной экспансии, и никакие предыдущие попытки противостоять этому наступлению с использованием массивной многомиллиардной экономической и военной помощи на двухсторонней основе не дали ощутимого результата.

Объяснялась эта неудача тем, что советско-китайское наступление в Индокитае было комбинированным по своей природе и состояло из двух частей – экономической и военной. Соответственно, реакция на такое наступление должна быть также комбинированной и не на двухсторонней, а на многосторонней основе, как то продемонстрировал положительный опыт «плана Маршалла» и НАТО в Европе. Создание военных блоков в Южной и Юго-Восточной Азии могло бы дополнить экономические усилия по противодействию военно-политической угрозе.

Тем не менее проблема объединения этих блоков с целью остановить экономическую и идеологическую экспансию коммунизма требовала решения задачи повышения роста уровня жизни населения во всех странах Юго-Восточной Азии за счет увеличения эффективности местного производства на основе регионального разделения труда. Это означало, что технология «плана Маршалла» – региональная интеграция через «специализацию, унификацию и упрощение» – должна была сработать еще раз как для «сдерживания» коммунизма, так и для вовлечения всего региона в процесс строительства мирового экономического порядка.

Однако у президента на тот момент не было убедительного обоснования такой политики. К счастью для Белого дома аргументы были вскоре найдены. В начале августа 1954 г. Франция получила сокрушительный удар в сражении при Дьен Бьен Фу, после чего перспектива окончательной потери Индокитая стала вырисовываться еще четче. Начавшаяся в США массовая антикоммунистическая истерия позволила Эйзенхауэру получить от конгресса начальную, хотя и очень небольшую сумму (200 млн долл.) на финансирование нового плана³.

Госсекретарь Дж. Даллес возглавил процесс формирования идеологического базиса для осуществления предполагаемого «плана Маршалла для Азии» (ПМА). Пытаясь найти убедительные аргументы в пользу необходимости такого плана и стратегического разворота в целом, он утверждал, что «в настоящий момент администрация

исходит из предположения, что вероятность большой горячей войны уменьшилась, а борьба с коммунизмом сместилась (с военно-политического аспекта. – С. Ш.) в сферу экономико-идеологической конкуренции»⁴.

Сотрудники госдепартамента утверждали, что Азия превратилась в самый опасный фронт холодной войны. Спектр угроз был самым широким: «Слабая экспортная торговля Японии может соблазнить японских коммунистов ориентироваться на рынки России и Китая. В Малайзии сегодня идет невидимая красная война. Нынешняя администрация в Индонезии уже сформировала парламентский альянс с местной красной партией {ldots} Красные в коммунистическом Китае провозгласили экс-премьера Таиланда главой красного тайского движения. Красная армия в Бирме всё ещё воюет с бирманским правительством. Красные продемонстрировали неожиданную политическую силу в некоторых районах Пакистана». В целом, считали представители госдепартамента, наибольшую угрозу стабильности в Азии несла с собой «подрывная активность красного подполья». Естественно, в таких условиях «экономическая оборона» становилась важнее военной⁵.

В целом аргументы в пользу «экономического сдерживания» были очень похожи на те, которые использовались в США в 1947 г., т. е. накануне начатой президентом Трумэнном кампании за европейский «план Маршалла». В 1954 г. доводы того же рода еще раз сослужили добрую службу делу «глобализации по-американски». Дилемма вырисовывалась простая: или экономическое развитие Азии, или её потеря, за которой неизбежно последует стратегическое поражение в холодной войне. В редакционной статье «Нью-Йорк Таймс» было заявлено, что победный марш коммунизма в Южной и Юго-Восточной Азии должен быть остановлен: «План Маршалла {ldots} одержал великую победу за свободу. Он спас Европу от экономической катастрофы и, сделав это, спас от политической катастрофы. По-видимому, нам надо воскресить надежды, решимость и энтузиазм, которые сопровождали принятие плана Маршалла семь лет назад»⁶.

Возглавить разработку и реализацию плана должен был директор агентства помощи (Foreign Operation Administration – FOA) Г. Стассен. Этот политический «тяжеловес» рассматривался как один из возможных преемников Эйзенхауэра. Однако чтобы «остаться в президентской обойме», ему был очень нужен быстрый успех, поскольку конгресс дал FOA всего один год существования. Кроме того, законодатели выделили ему не так много денег для того, чтобы сформулировать хоть что-то, отдаленно напоминающее европейский «план Маршалла».

Г. Стассен исходил из того, что «план Маршалла для Азии» должен представлять собой вариант схемы региональной интеграции, и в

этом он был очень похож на свой европейский прототип. Заметное отличие состояло в том, что в Европе не было абсолютного экономического лидера, а в азиатском варианте это место уверенно занимала Япония. На первом этапе план был нацелен на то, чтобы «расширять» те «узкие места» (bottlenecks) в региональной торговле, которые мешали взаимодействию японской промышленности и сырьевых производств стран Южной и Юго-Восточной Азии, т. е. помогать активировать те отрасли слаборазвитых стран, которые позволили бы им зарабатывать валюту. На следующем этапе эта валюта, в свою очередь, должна была быть потрачена на покупку товаров не только в Японии, но и в других странах, в первую очередь в США. Таким образом, на втором этапе предполагалось выйти за пределы региона на уровень глобальной интеграции. Как отмечали наблюдатели, «чем дальше планировщики идут в своей работе по Азии, тем меньше они думают о ней, как о замкнутом торговом регионе типа Европы, и больше, как о регионе, где каждая страна стремится торговать со всем миром»⁷.

Говоря о «расширении узких мест», эксперты администрации подразумевали помощь США в организации сырьевого производства, которое нужно было Японии. Например, Япония нуждалась в руде, а у Малайзии она имела, но необходимо было наладить работу шахт, которые остановились во время Второй мировой войны. В данном случае ПМА должен был найти возможность профинансировать процесс восстановления и расширения этих производств. Индонезия хотела бы купить у Японии ткацкие станки, чтобы начать производить ткани. Если в рамках ПМА американское правительство могло бы помочь их купить, то у Индонезии появится валюта от продажи ткани на местном и внешнем рынках и она станет рынком сбыта промышленных товаров не только для Японии, но и для США. Бирма хотела продавать древесину на мировом рынке, но лесные массивы находились в тех областях страны, куда не были проложены дороги. Если помочь бирманскому правительству приобрести дорожное оборудование в Японии, а также с постройкой дорог, то, продавая древесину на мировом рынке за валюту, особенно в Японию и США, Бирма смогла бы покупать у этих стран промышленные товары⁸.

Хотя конгресс предполагал выделение только 200 млн долл. для азиатского «плана Маршалла» (получившего официальное название «плана арки свободной Азии» или AFAP – the Ark of Free Asia Plan), в рамках регулярного бюджета выделялось еще 915 млн долл. в качестве обычной двухсторонней невоенной помощи для стран региона. Эксперты администрации разъясняли, что в совокупности составлявшая сумма, более одного миллиарда долларов – это почти все, что можно на данном этапе потратить в регионе без риска вызвать инфляцию.

Они указывали, что восстановление промышленных экономик, разорённых войной, не являлось в отличие от Европы главной проблемой региона. Скорее, необходимо было начать строительство сравнительно простых экономик (за исключением Японии). «Капитал, конечно, нужен, но в ближайшие годы больше будут нужны программы профессиональной подготовки, экспертный анализ и хорошее планирование для создания производительного бизнеса в будущем»⁹. Поэтому сначала должна быть проделана фундаментальная подготовительная работа через предоставление технической помощи и только после нее, на следующем этапе, могла быть предложена и применена крупномасштабная «помощь развитию».

С учетом такого понимания «плана Маршалла для Азии» планировалось, что 200 млн долл. из «регионального фонда» будут тратиться на проекты, приносящие выгоды более чем одной стране. Предполагалось, что это будет самоподдерживающийся оборотный фонд, главная цель которого заключалась в развитии региональной торговли¹⁰. Кроме того, фонд должен был использоваться для предоставления долгосрочных кредитов, которые могли бы позволить одной стране что-то купить или продать в другой стране, в которой трудно найти свободные деньги. Наконец, он также мог использоваться для некоторых особо емких проектов развития, направленных на рост торговли внутри «арки наций». Как отмечалось, важным достижением Стассена было то, что средства выделялись не на один бюджетный год, а минимум на три года, которые требовались для осуществления сложных интеграционных процессов.

Как отмечалось, в течение первого года своего функционирования программа AFAP требовала небольшой суммы средств, но в последующие 8 лет, как полагал директор FOA, она должна быть значительно увеличена. В результате в течение указанного периода времени общий экономический рост стран свободной Азии мог бы достигнуть 30 % – с 65 млрд долл. до 85 млрд долл. совокупного ВВП. Предполагалось, что в рамках этого процесса они смогут начать аккумулировать свои собственные инвестиционные фонды, станут самодостаточными, и им не нужно будет обращаться к внешней помощи. Экономические условия должны быть стабильными, чтобы «выигрывать сравнение с прогрессирующими коммунистическими странами Азии» и конкурировать с темпами индустриализации коммунистического Китая¹¹.

Таким образом, общие контуры «плана Маршалла для Азии» или «плана арки свободной Азии», разработанные Стассеном в период с середины марта до середины апреля 1955 г., имели ряд особенностей. Во-первых, главной угрозой становилось не советская, а китайская экономико-идеологическая конкуренция. Во-вторых, основной акцент делался на внутрорегиональную интеграцию. В-третьих, в центр схемы помещалась

не Европа, а Япония. В таком виде план Стассена не вызывал в Вашингтоне больших возражений, что позволяло Эйзенхауэру открыто поддержать АФАР. Президент заявил, что план будет включен в его послание конгрессу по вопросу внешней помощи и, «сделав это, он зафиксировал особую значимость этой программы как инструмента внешней политики Соединенных Штатов»¹². Одновременно администрация организовала активную кампанию поддержки АФАР в прессе.

В целом достаточно благосклонное отношение к ПМА в США позволило индийскому правительству (явно по совету из администрации Эйзенхауэра) заявить в Нью-Дели, что в мае 1955 г. индийские власти созывают конференцию тринадцати азиатских наций в г. Симла для обсуждения вопроса регионального использования экономической помощи Соединенных Штатов. Эта встреча представлялась аналогом конференции шестнадцати европейских стран в Париже в июле 1947 г., которая должна была сформировать Организацию европейского экономического сотрудничества.

Для американской стороны мероприятие в Индии было очень значимо в связи с параллельной подготовкой конференции стран Азии и Африки в Бандунге (Индонезия). Администрация ожидала, что «план арки свободной Азии», о котором было официально объявлено в обращении президента Эйзенхауэра к конгрессу 20 апреля 1955 г.¹³, должен был стать «основным предметом обсуждения представителями свободной Азии в момент, когда они борются с пропагандой коммунистического Китая, который обещает огромные экономические выгоды для всех, кто поддастся соблазнам сосуществования. Состязание между свободным и коммунистическим мирами в Азии будет переведено в плоскость дебатов, и вся Азия будет их слушать»¹⁴.

В администрации Эйзенхауэра многие чиновники облегченно вздохнули, услышав новость об индийской инициативе. Для этого было две причины. Во-первых, сотрудничество в рамках АФАР таких государств, как Индия, Цейлон, Бирма и Индонезия, являвшихся главными нейтральными «неприсоединившимися» странами, значительно усилило бы позиции «свободной Азии» в Бандунге. Во-вторых, демонстрация того, что азиатские страны наконец-то начали движение к объединению на многосторонней основе в ответ на предложение специальной региональной программы помощи, значительно облегчило бы решение задачи убедить конгресс проголосовать за выделение необходимых фондов.

Как отмечалось выше, в администрации было решено, что по аналогии с европейским «планом Маршалла» «азиаты должны были сами решить как им использовать деньги»¹⁵. Однако неожиданно все тринадцать азиатских стран-участниц «отказались рассматривать идею использования американской помощи на региональной основе»,

поскольку они не смогли «согласиться ни по одной программе, в которой они могли бы участвовать как части единого регионального целого». Близкие к конференции источники указывали, что делегаты пришли к выводу о необходимости для азиатских реципиентов американской помощи продолжить следование их индивидуальным экономическим курсам без какой бы то ни было региональной кооперации¹⁶.

В американской прессе указывалось на два основных мотива, почему азиатские страны «вылили ушат воды на региональную идею». Во-первых, политики в США имели неправильное представление о степени азиатского единства. «Мы думали и говорили слишком часто об “Азии” и “азиатах”, как будто мы имели дело с единой частью мира и единым населением. Конференция в Симле показала, что между ними существуют различия, есть сферы недоверия и антагонизма, конфликтных точек зрения и целей, которые делают очень сложным, если не невозможным, решение проблемы взаимодействия с регионом как с географическим целым, единым по духу и потребностям. Такого единства не существует», поскольку «Азия – это не Европа»¹⁷.

Вторая причина состояла в том, что «ряд азиатских государств, явно озабоченных вероятностью сокращения индивидуальных программ помощи в том случае, если появятся обязательства по помощи всем, настаивал на том, чтобы все программы помощи продолжались на двухсторонней основе». Соответственно, они опасались, что со временем многосторонний региональный компонент американской программы помощи будет расширяться за счет ее двухсторонней составляющей. Местные элиты рассматривали такое развитие событий как нежелательное, поскольку они могли утратить способность влиять на процесс распределения помощи на национальном уровне. Такие общие настроения проявились даже в том, что на конференции «азиатские страны послали чиновников уровня ниже кабинетного», а «из Соединённых Штатов в Симлу не приехал ни один обозреватель»¹⁸.

Несмотря на «катастрофу в Симле», лидеры администрации продолжали делать вид, что все идет нормально. Так, 25 мая госсекретарь Дж. Даллес во время пресс-конференции объяснил репортерам, как надо воспринимать решение тринадцати стран «арки»: «Их точка зрения находится в полном соответствии с нашим собственным мнением»¹⁹. Он охарактеризовал конференцию в Симле как «важный шаг вперед» и заявил, что её результаты были «чрезвычайно удовлетворительными»²⁰.

Еще более оптимистично старался выглядеть Г. Стассен. Во время выступления в комитете палаты представителей по иностранным делам он признался, что страны региона «арки» отвергли предложенный подход, но только временно, и утверждал, что схема регионального экономиче-

ского сотрудничества «будет усовершенствована» на основе «растущей интенсивности консультаций и сотрудничества» со странами АФАР. Поэтому, полагал Г. Стассен, подход все еще оставался жизнеспособным, и конгресс должен был выделить оговоренные ранее 200 млн долл. на многолетней основе для реализации плана²¹.

Однако этот оптимизм никого не мог обмануть. Все понимали, что Стассен утратил необходимую «административную силу» для того, чтобы и далее проталкивать свой план. После Симлы конгресс сократил финансирование АФАР до 100 млн долл., а затем даже эту очень скромную сумму отказался выделять²². Таким образом, «план Маршалла для Азии» умер, не пережив фазы своего генезиса.

«План Маршалла для Азии» (АФАР) задумывался администрацией Эйзенхауэра для решения проблемы ликвидации европейского долларового дефицита. При этом предполагалось использовать методологию «плана Маршалла» в Европе. Его азиатская версия, получившая название АФАР, ориентировалась на разделение труда и экономическую интеграцию стран Южной и Юго-Восточной Азии на блоковой основе с «мотором» в лице Японии. Для реализации этого плана администрация, используя пропагандистские инструменты, сумела убедить общественное мнение и конгресс, что фокус холодной войны сместился в Азию и без финансирования плана (для начала очень скромного) Америку ждет глобальное поражение в борьбе с коммунизмом. Однако успехи начальной фазы плана разбились о прагматизм азиатских стран, которые не захотели в нем участвовать, опасаясь потери более предсказуемой двухсторонней помощи США, а также не сумев преодолеть внутренние разногласия.

Примечания

¹ *Rotter A.* The Path to Vietnam. Ithaca & London : Cornell University Press, 1987. P. 165–180.

- ² *Hoffman P.* World Investment, not Foreign Aid // New York Times Magazine. 1952. February 3.
- ³ *Reston J.* A Gain for President : Restoration of Foreign Aid Cuts Helps Him to Carry Out South East Asia Plan // The New York Times. 1954. August 5.
- ⁴ *Reston J.* Nelson Rockefeller to Be Named White House Foreign Policy Aide // The New York Times. 1954. December 8.
- ⁵ *Cromley R.* Aid Billions : Ike's Advisors Mull Costly Foreign Aid Program // The Wall Street Journal. 1954. August 14.
- ⁶ How Much Foreign Aid // The New York Times. 1954. August 5.
- ⁷ *Cromley R.* Op. cit.
- ⁸ Ibid.
- ⁹ Ike to Propose More Asian Aid // The Washington Post and Times Herald. 1955. March 15.
- ¹⁰ President to Ask More Aid for Asia // The New York Times. 1955. March 18.
- ¹¹ Ibid.
- ¹² *Schmidt D.* Aid Plan for 'Arc of Asia' Timed for Bandung Parley // The New York Times. 1955. April 17.
- ¹³ *Eisenhower D.* Special Message to the Congress on the Mutual Security Program. 1955. April 20 // Public Papers of the Presidents of the United States, Dwight D. Eisenhower, 1959. Washington, 1960. P. 406.
- ¹⁴ *Schmidt D.* Op. cit.
- ¹⁵ Asia as a Region // The New York Times. 1955. May 16.
- ¹⁶ Regionalism in Aid // The Washington Post and Times Herald. 1955. May 16.
- ¹⁷ Asia as a Region // The New York Times. 1955. May 16.
- ¹⁸ Ibid.
- ¹⁹ *Dulles A.* Cumulative Effects of the Mutual Security Program // Department of State Bulletin (DSB). Vol. XXXII, № 832. 1955. June 6. P. 913.
- ²⁰ Cites Red Shifts // The New York Times. 1955. May 26.
- ²¹ *Stassen H.* Highlights of the Mutual Security Program 1956 // DS B. Vol. XXXIII, № 836. 1955. July 4. P. 29.
- ²² *Kaufman B.* Trade and Aid : Eisenhower's Foreign Economic Policy, 1953–1961. Baltimore and London, 1984. P. 68.

Поступила в редакцию 19.12.2020, после рецензирования 14.03.2021, принята к публикации 12.04.2021
Received 19.12.2020, revised 14.03.2021, accepted 12.04.2021